

Михаил Петров

ТЁМНАЯ ИСТОРИЯ СТАРОГО ТАЛЛИННА

Reval / Tallinn / Таллинн
2020

*Об истории Старого Таллина написаны тысячи статей и научных трудов. Ещё одно исследование не прибавит к истории города ничего такого, о чём мы бы уже не знали.
Разве что это будет местный вариант истории Помпей и Геркуланума.*

Леопольд фон Шренк. История одного города.

Итак, я, не колеблясь, намерен поделиться с уважаемой публикой результатами моих изысканий и открытий в том важнейшем искусстве, которое по сию пору так и не нашло хоть сколь-нибудь удовлетворительного освещения...

Сальвадор Дали. Искусство пука.

*В каком-то смысле самой широкой является проблематика забвения, поскольку умиротворение памяти, в котором и заключается прощение, составляет, вероятно, последний этап на пути забвения, достигающего высшей точки в том *ars oblivionis*, которое, по мнению Харальда Вайнриха, конституировалось параллельно *ars memoriae*, изученному и прославленному Фрэнсис Йейтс.*

Поль Рикёр. Память, история, забвение

Климат и геология

Возникновение новых человеческих поселений на местности как правило связано с двумя основными факторами — климатом и естественным ландшафтом, фактически с геологией. История нашего поселения не исключение.

Время возникновения поселения на холме у берега Финского залива археологические находки связывают с началом климатического оптимума в Северной Европе, — примерно, с IX веком н.э. На этот же период приходится окончательный переход пришлого с отрогов Уральских гор населения от собирательства и охоты к оседлому образу жизни, к началу интенсивного земледелия в этих краях.

Современные рассказы о том, как некие протоэстонцы обрабатывали землю на берегах Финского залива 10 или даже 11 тысяч лет назад относительно 2000 года, т.е. в самом начале галоцена (межледникового периода) являются вредной политической выдумкой. Полезно иметь в виду, что оседлый образ жизни и, главное, сельское хозяйство неизбежно связаны с письменностью, поскольку избыточный продукт земледелия требует учёта.

*Навершие валуна с жертвенником.
Вскрыт автором. Таллин, Уусимяэ.*

В труде римского историка Публия Корнелия Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии» (фрагмент 45) находим:

«Что касается правого побережья Свевского моря, то здесь им омываются земли, на которых живут племена эстиев, обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык — ближе к британскому. Эстии поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей; они им заменяют оружие и оберегают чтящих богиню даже в гущу врагов. Меч у них — редкость; употребляют же они чаще всего дреколье. Хлеба и другие плоды земные выращивают они усерднее, чем принято у германцев с присущей им нерадивостью».

Когда на этой земле спустя тысячелетие появился реальный избыточный продукт, вопрос о собственной эстонской письменности, благодаря немцам, датчанам и шведам уже не стоял так остро. На той стороне Финского залива полно камней с рисунками — петроглифами и рунами. С этой стороны только древние жертвенники, выдолбленные на вершинах гранитных валунов. Однако вернёмся в галлоцен.

В последнем оледенении нас интересуют донные морены, т.е. ледниковые отложения, которые состоят из обломков пород, переносимых в основании ледникового покрова. При движении ледника и его таянии донные морены образуют ровный слой, который при движении льда дробится и шлифуется о глинты: мелкие граниты растираются в песок, крупные валуны остаются на поверхностных породах. Мягкие породы ложа, например, сланцы под действием льда, гранитной крошки и валунов растираются в глину.

На берегу будущего Финского залива донная морена последнего оледенения вышла на длинный уступ, образованный осадочными породами кембрийского и ордовикского периодов. Балтийско-Ладожский глинт (от датского слова *klint* — обрыв) растянулся на протяжении до 1200 км от Швеции через острова и материковую часть Эстонии в Россию вплоть до Ладожского озера. В некоторых местах край ледника, отмеченный мореной, ещё совпадает с современной береговой линией. Высота глинты на территории Ида-Вирумаа достигает 56 метров над уровнем моря. Если у вас есть навигатор с соответствующей функцией, то проследить за перепадами высоты глинты можно, например, по дороге из Таллинна в Нарву.

Морена оставила на территории Эстонии бесчисленное количество валунов. Ледник пробил, а морена протёрла в местном глинтке два проёма. В районе современного Ласнамяэ глинт понижается до уровня моря, а за озером Харку и полуостровом Какумяэ вновь повышается. Между проёмами образовался холм, высотой чуть более 50 метров, который мы сегодня знаем под названием Тоомпеа или Вышгород.

В IX веке или чуть ранее на холме между Ласнамяэ и Ыйсьмяэ образовалось поселение, хотя следует заметить, что место для хозяйственной деятельности было выбрано крайне неудобное. В сравнении с городищем Иру в излучине реки Пирита, возникшем на месте поселения IV-III столетий до нашей эры, холм Тоомпеа явно проигрывает. Городище Иру расположено на одном уровне с путями древних миграций и территориями, пригодными для охоты, собирательства и, главное, для земледелия, причём в окружении неиссякаемого источника пресной воды. На холме Тоомпеа воды нет. Исчезнувшая река Харьяпеа (эст.) некогда впадала в залив, но на некотором удалении от холма в районе современного пассажирского порта и не служила естественной преградой от внезапного нападения. Зато сам холм Тоомпеа и поныне господствует над прилегающей местностью.

Привлекательным это место стало в связи с развитием мореходства и торговли, именно в виде укрепления, а не хозяйственного поселения. Административным центром края поселение на холме стало, скорее всего, благодаря поздней хозяйственной и экономической деятельности датчан и русских, подхваченной немцами и шведами.

Топонимика

В истории возникновения города на холме нет никаких исторических загадок, зато загадки есть в его названии. Вопрос крайне запутан. Современный Таллинн — это как матрёшка, однако, чтобы в ней разобраться придётся начать с римского историка Публия Корнелия Тацита, помянувшего эстиев в контексте с германцами.

Тысячелетие спустя (!) вслед за Тацитом арабский географ XII века Абу‘Абдуллах Мухаммад ибн Мухаммад ибн Абдуллах ибн Идрис аль-Хаммуди аль-Кураши повторяет название северного народца — aes-tii, населяющего землю Iaslanda, главным городом которого является (поселение?) Quoluwany. Год составления карты — 1154 — считается годом первого письменного упоминания города.

Сведения, которыми пользовался арабский географ, прежде чем быть отмеченными на его карте, наверняка имели собственную историю, насчитывающую несколько столетий. К 1154 году Колувани или Кольвань уже должен был существовать некоторое время, потребное для того, чтобы информация о нём распространилась по Европе и достигла ушей и глаз Аль Идриси.

Попутно выясняется, что, когда сведения дошли до арабского географа, поселение на славянский лад какое-то время уже именовалось Леденцом. Толкование топонимов есть дело неблагодарное и всё же рискну предложить свой вариант.

Холм, с которым мы имеем дело обозначает конец ледника и морены. В конце первого тысячелетия у его подножия плескалось море так же, как оно сегодня плещется у восточного берега полуострова Какумяэ или как ещё совсем недавно плескалось у парадной лестницы в имени Орловых. Мелкий залив у подножия холма и сочившийся влагой известняк зимой промерзали, отчего поселение на верхушке холма или, скорее всего, у его подножия получило адекватное название — Леденец. В словаре Даля находим значение слова ледёница весьма, кстати, созвучного топониму Леденец, ледяная кора, гололедица, по сути, лёд.

*На гравюре XIX века хорошо видны крутые склоны Ревельской крепости.
Худ. Wilhelm Siegfried Stavenhagen.*

В пользу хозяйственного значения поселения у подножия холма свидетельствует устье реки. Изначальное или условно изначальное Кольвань свидетельствует в пользу рыбацкого поселения. Словечко калыдán у остяков обозначает рыболовную сеть с саженой мошной, которую тянут за челном, задёргивая её, когда она наполняется рыбой. Почему бы остяки вместе с другими угро-финнами и славянами не могли бы откочевать с Иртыша и Оби к берегу Финского залива и основать там своё поселение?

Но вот я читаю соображения эстонских специалистов, утверждающих, что Леденец — это искажённое эстонское Lindanisse — сосок на груди мифической Линды, а Кольвань происходит от имени Калевипоэга — сына Линды от её мужа Калева. При этом «из легенды следует, что уже в I тысячелетии н.э. Таллинн был известной гаванью и местом торговли, являясь центром древнеэстонской земли Ревала». Оказывается, город на холме под названием Рифаррика (?) упоминается около 750 года в одной из ирландских рукописей, но в какой именно не указано, (Таллин в легендах. Т. Периодика, 1985. Стр. 42-43.)

Возможно, оба названия — Колывань и Леденец использовались одновременно, поскольку в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского (первая половина XIII века), используется скандинавское название Lindanisse (дат. Lyndanisse, швед. Lindanäs), а в суздальской летописи ровно того же времени употреблено название Колывань. Название Ревель (нем. Reval) появляется в середине того же XIII века и просуществует до начала XX века.

Эстонцы до XVIII столетия — народ бесписьменный, который сегодня знает о своей древней истории исключительно со слов иностранных хронистов вроде Генриха Латвийского или Бартоломея Гёнеке. Предположение о том, что в конце первого тысячелетия новой эры бесписьменный народ связал разрозненные между собой мааконды с условным центром, названным именем мифической Линды — Lindanisse или её сына от мужа великана Калева — Quoluwany, представляется весьма рискованным.

Известно, что расцвет грамотности у эстонцев приходится на вторую половину XIX века. Именно в этот период особенное значение приобретает героический эпос Фридриха Рейнгольда Крейцвальда «Калевипоэг», весьма созвучный с финским эпосом «Калевала». Именно в «Калевипоэге» эстонцы искали и находили сведения о бесписьменном периоде своей истории. По этой причине мы отмечаем и сосок на груди Линды и могилу её мужа в качестве источников названий Lindanisse и Quoluwany.

Своё значение поселение на холме получило после того, как выступивший на завоевание Эстляндии датский король Вольдемар II основал здесь укрепление и отстоял его. В 1219 году датский король в компании духовных лиц, в том числе хитрого епископа эстонского Теодориха и славянского князя острова Рюген Вацлава занял замок ревельцев Lindanizene, сломал его и начал строить новый. Этот новый замок и был началом города Ревеля. 15 июня 1219 года язычники эсты напали на датчан и убили епископа Теодориха. Датчане едва не обратились в бегство, но воинственный князь Вацлав обратил сражение в пользу короля.

Однако битва при Lindanisse только тогда имеет значение, когда поселение на приморском холме стало причиной раздора Дании и Ордена меченосцев. В хронике Руссова сказано, что датский король Вольдемар II основал Ревель в 1223 году. Строеие на холме получило название **Castrum Danorum** — *крепость датчан, датская крепость*. Логично предположить, что местное население прозвало новостройку датским городом — Taani linn. Однако какая устная традиция бесписьменного народа донесла до XX столетия казуальный топоним?

Вид на гавань. Морские ворота, начало Strantstrate (Морская, Pikk), аллея, уходящая к порту, – Гаванная улица.
Худ. Johannes Nau.

Наконец, для чего в начале двадцатых годов прошлого века название города Reval, имеющего связь с местной эстонской традицией, поменяли на непатриотичное Taani linn — Tallinn?

Основание города на пока безымянном холме связано с особенностями ландшафта, а именно с пологим юго-восточным склоном холма. Это место наиболее уязвимо в отношении обороны поселения на холме. Логично, что Вольдемар II построил своё укрепление именно здесь, потому что прочие отвесные склоны холма и тогда, и сейчас достаточно неприступны. Главной улицей поселения была та, которая плавно поднималась по склону холма в Ревельскую крепость. На картах XIX века — это ещё Карлова или Королевская улица, ныне Тоомпеа.

Ревель, в смысле Нижний город, скорее всего, начинался с двух основных улиц, ведущих к холму от устья реки и берега моря. Обе они — Морская и Широкая оформились как улицы к середине XIV столетия, но без сомнения, к этому времени это были уже хорошо укатанные дороги. После строительства городской стены Широкая (Lai) потеряла открытый выход к морю. Первоначальное название Морской улицы (Pikk) — нем. Strantstrate, что-то вроде прибрежной дороги.

Купив у шведов Эстляндию, Россия сохранила название Reval (Ревель) и не тронула даже Нарву, хотя у неё есть исконно русское название Ругодев. Не тронула Россия и прочие немецкие топонимы вроде Феллина, Иевве, Пернау или Везенберга. Основанный русскими город Юрьев две сотни лет носил это название, пока в 1224 году немцы не переименовали его в Dorpat (Dörpt). Лишь в конце XIX века городу было возвращено исконное название Юрьев.

В начале XX века эстонцы переименовали город в исторически невообразимое Tarbatu — Tartu. Интеллигентное русское население города стало иронически называть себя тартуанцами, в смысле бычками (эст. tarvas — тур, первобытный бык). В 1941 году немцы вернули городу на холме название Reval и активно использовали его потому, что на картах вермахта сохранилась немецкая топонимика населённых пунктов вплоть до исторических названий улиц.

Кстати, о Ревеле. Можно найти невероятную историю об охоте датского короля Вальдемара II недалеко от холма. Король погнался за эстонской косулей, но она бросилась с холма в пропасть, *«чтобы не стать жертвой иноземного захватчика»*. Восхищённый мужеством животного король заложил город. Датское *rådyr faldt* — *олень упал* — со временем трансформировалось в Reval. В память о гордом эстонском животном в 1930 году у подножия холма на улице Нунне установили скульптуру козочки работы скульптора Яана Коорта, и с тех пор место стало называться Козьим садом. Скульптура неоднократно была предметом развлечения охотников, о чём свидетельствовали следы от дробы. В советское время оригинал отреставрировали и убрали, а на его место поставили копию. Такая вот патриотическая история.

Синдром матрёшки

Современный город представляет собой несколько поселений с разными названиями, смешавшимися между собой лишь отчасти.

Ядро города — поселение на холме — это Колывань, Леденец, Lindanisse, Reval, наконец, Tallinn, вытравившее из себя всё славянское, а заодно и эстонское. Это чужое — датское наследство.

С стороны моря холм Тоомпеа охвачен стихийно развивавшимся поселением в пределах городской стены — это Ревель. В следующих фазах развития Ревель прирастал территориями за пределами городской стены. Постепенно город разрастался в сторону порта, вдоль Нарвской дороги в сторону Екатериненталя, вдоль Пярнусской дороги и в направлении Дерпта.

Вид на Reval со стороны Коппеля (железнодорожного узла). XIX век.

С появлением железной дороги Ревель стал прирастать промышленным районом Коппель, сельский пейзаж постепенно сменился на промышленный. Коппель — это тоже Ревель, хотя местами и весьма условный.

Во времена первой республики началось строительство нового города — Таллинна (с двумя «н»), однако на его строительство история отпустила всего два десятилетия. Этот город должен был охватить Ревель полукольцом от порта до вокзала и железнодорожного узла. От него сохранилось только пространство от площади Свободы вдоль Пярнусского шоссе до Тынисмяги и кварталы, расположенные между шоссе и площадью Свободы. Сектор удивительно цельный в историческом смысле и примечательный в архитектурном исполнении, объединённый к тому же общей идеологией — масонской.

После войны был построен ещё один Таллин (с одной «н») — советский. Сначала построили Мустамяэ, потом Ыйсмяэ и, наконец, Ласнамяэ. Фактически — это города-спутники советского Таллина. Попутно заметим, что сложившееся после развала СССР написание Таллин с одним «н» приобрело характер фронды эстонскому Tallinn с двумя «н». Безосновательная фронда продолжается уже три десятка лет.

Между тем в 1957 году Академия Наук Эстонской ССР совместно с Институтом языка и литературы издала нормативный документ «Правила передачи эстонских имён собственными русскими именами». На странице 13 указано «Tallinn = Таллин»

Сейчас началось активное расширение Таллинна в сторону Пельгулинна (нем. Freistadt) и Коппеля. Из рабочей советской и традиционно хулиганской окраины Пельгулинн и Коппель превращаются в фешенебельную приморскую часть города. С развитием при советской власти бульвара Эстония (Рявала), новейшими постройками в начале Тартуского шоссе, развитием квартала Роттермана и строительством нового путепровода — Рейди тее довоенное масонское полукольцо почти замкнулось.

Однако противостояние Castrum Danorum, т.е датской части города с Ревелем и Таллинна с советскими окраинами не прекратилось. Последняя советская окраина — Ласнамяэ, в недавнем ироническом обиходе «Красная деревня», населена в основном неэстонцами. Ради того, чтобы эта часть города не составляла угрозы другим более эстонским, но менее населённым частям города представительство Ласнамяэ в Городском собрании намеренно занижено уже три десятка лет.

С другой стороны, продолжается вражда Верхнего и Нижнего города. После обретения новой независимости город попытался возродить древнюю традицию рукопожатия властей Нижнего и Верхнего городов в воротах на стыке Пикк ялг (Langer Domberg) и Ляхике ялг (нем. Kurzer Domberg, рус. Малый Вышгородский подъём) — не сложилось.

Между тем традиция древняя: Верхний город — дворянско-рыцарский на ночь перекрывал доступ из Нижнего города — купеческо-бюргерского, но был вынужден терпеть его магистрат по той простой причине, что вода была в руках ратманов. Водное перемирие (вполне себе по Киплингу) просуществовало до тех пор, пока Верхний город окончательно не стал каменным и не обзавёлся собственным водопроводом. Попутно каменный Вышгород похоронил все свои легенды в недрах холма.

До сих пор на холме находят следы строений, не значащихся ни на каких городских планах, вроде средневекового подвала в Епископском садике.

Парадоксы народной памяти

Эстонское общественное сознание за неимением собственной письменной истории в тех временах, в которых складывалась современная Европа, выработало эффективный приём, описываемый максимой из

популярной советской песни на слова Роберта Рождественского: «всё, что было не со мной — помню».

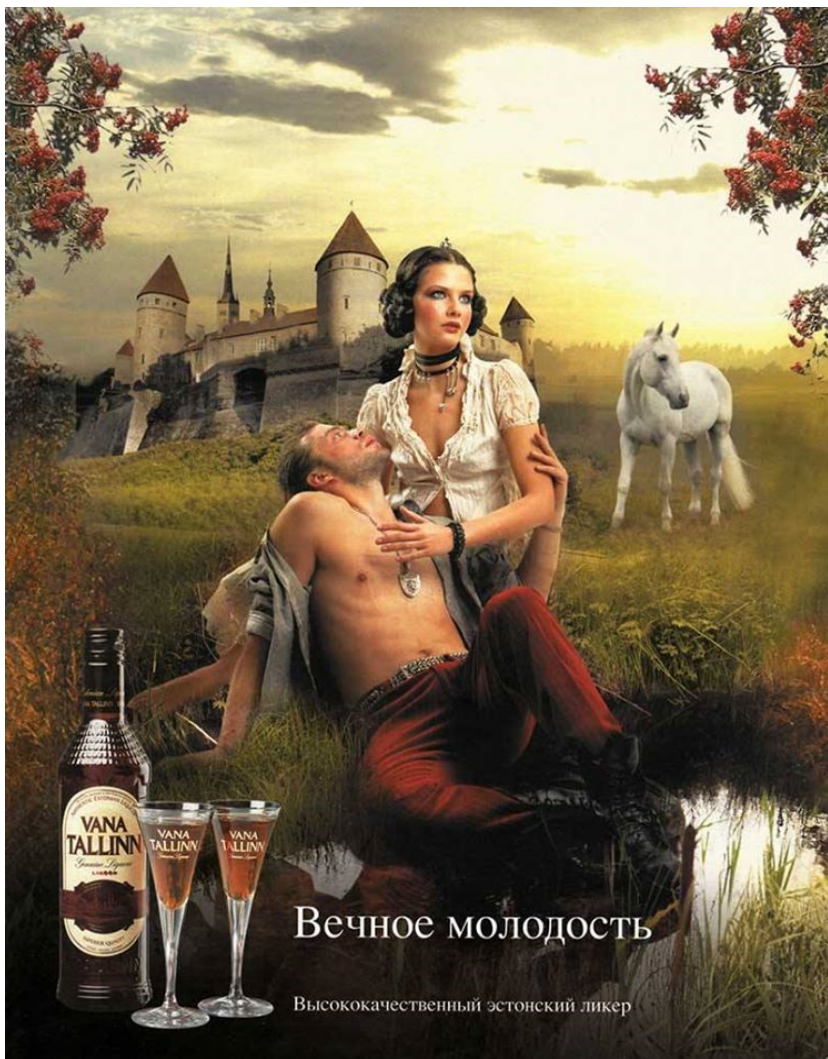
История бесписьменная, однако современным эстонским исследователям всё же известно, что «в I тысячелетии н.э. Таллинн был известной гаванью и местом торговли, являясь центром древнеэстонской земли Ревала». Однако в тевтонских хрониках нет ни слова о древнеэстонской земле со столицей в Кольвани или Lindanisse.

А вот бывший комсомолец в должности премьер-министра протестует против установки в Нарве памятника Петру I. Главный аргумент: эти русские при осаде Тарту (!) убили эстонцев и потом угнали их в Россию. Во время учёбы в Высшей партийной школе ему забыли рассказать о том, что Немецкая слобода образовалась под Москвой после Ливонской войны из ливонцев, т.е. (немцев). Эстонцев никто не тронул, потому что в Дерпте их не было. У французского наёмника на русской службе с 1660 года капитана Жака Маржерёта (Jacques Margerét) находим:

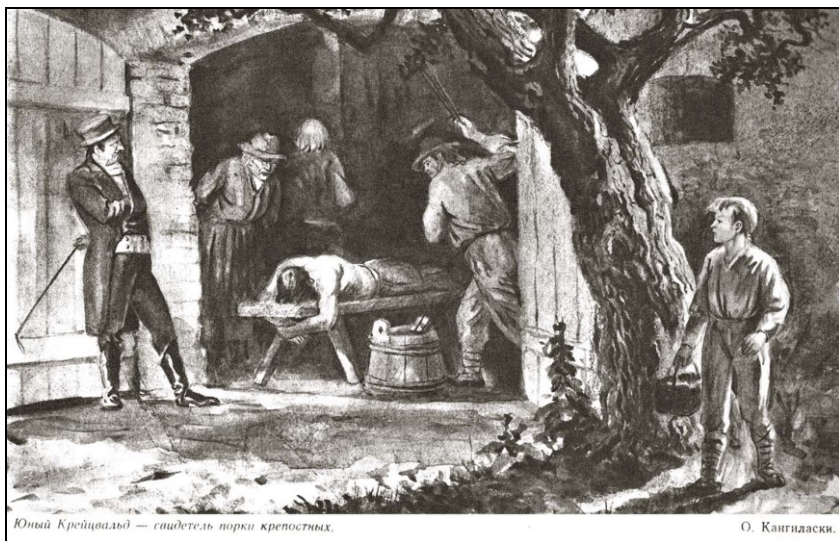
«Иван Васильевич [Грозный] захватил большую часть Ливонии и вывел всех жителей Дерпта и Нарвы в Московию, сказанные ливонцы, исповедующие лютеранскую веру, получив два храма внутри города Москвы, отправляли там публичную службу; но в конце концов из-за их гордости и тщеславия сказанные храмы по приказанию сказанного Ивана Васильевича Пыли разрушены и все их дома были разорены без внимания к возрасту и к полу. И хотя зимою они были изгнаны нагими, в чем мать родила, они не могли винить в этом никого, кроме самих себя (...) вместо того, чтобы смириться перед сказанными бедствиями, они вели себя столь высокомерно, их манеры были столь надменны, а их одежды столь роскошны, что их всех можно было бы принять за принцев или принцесс, так как женщины, отправляясь в храм, одевались не иначе, как в бархат, шёлк, камку и по меньшей мере — в тафту, хотя бы у них ничего больше не было. Основной барыши давало им право продавать водку, мёд и иные напитки, на чём они наживают не десять процентов, а сотню; что покажется невероятным, однако же это правда.

И хотя ливонцы всегда были и будут такими, возможно, их для того и вывели в Россию, чтобы они обнаружили там своё тщеславие и заносчивость, которые в своей собственной стране они не смели выказывать из-за законов и правосудия».

После осады Дерпта в ходе Северной войны Пётр I вывез в Россию часть населения города, но опять же не эстонцев, которых там не было, а шведов.

Гибель богов: на фоне холма эстонский полукровка Локи в объятиях богини вечной молодости Фрей, которую он получил хитростью в обмен на строительство великанами замка для Одина. В силуэте замка угадываются городские стены Ревеля, поставленные на основание Castrum Danorum (Ревельской крепости) и перенесённая на холм церковь Олевисте. Выразителен отрешённый взгляд Фрей. В целом популярное «всё что было не со мной помню».

Юный Крейцвальд — свидетель порки крепостных.

О. Кангиласки.

Ф.Р.Крейцвальд в портретах и иллюстрациях. ЭГИЗ, Таллинн, 1953. С.28-1.

Несмотря на инцидент, ливонское поселение сохранилась вместе со своими привилегиями, в противном случае некому было бы спаивать молодого царя Петра в Немецкой слободе. Для немцев и шведов при Петре I открылись фантастические возможности на гражданской и военной службе, и примеров тому не счесть.

Вообще мы имеем дело с тремя вариантами истории: наиболее достоверная, подтверждённая историческими источниками и проверенная на практике история Эстонии; плюс два варианта: первый — эстонская история — история освободительной борьбы; второй — история Эстонской ССР. В истории Эстонии есть место, например, Ганзейскому союзу. В истории Эстонской ССР Ганзы нет, но зато в ней эстонский слон — лучший друг русского слона. В эстонской истории, отравленной (по Марту Лаару) миазмами индогерманского экстравертного духа, сплошное *déjà vu* — всё, что было не со мной помню!

И ведь как всё чудесно переменялось! Потомки тех, кто по воскресеньям вожжами и розгами вбивал на конюшне этот самый экстравертный дух в эстонцев, теперь лучшие друзья и наставники, и даже братья по оружию в прошлом и настоящем.

Общий ход истории и некоторые отдельные исторические события в Европе напрямую связаны с малым ледниковым периодом, которому в X-XIII столетиях предшествовал малый климатический оптимум. К IX-X столетиям в Европе наступила пора мягких зим — сравнительно тёплая и ровная погода без перекосов в продолжительные дожди или засухи. Именно на этот период пришёлся расцвет эстонского земледелия, а с ним и тевтонский интерес к этой части Северной Европы. В самом начале XIV века Гольфстрим внезапно замедляет скорость. Вслед за привычно тёплым летом 1311 года последовали сразу четыре дождливых лета и три холодных зимы, что привело к резкому снижению урожая в течение нескольких лет подряд.

Одновременно в ряде европейских стран, включая Германию, вымерзли фруктовые сады и виноградники. Прекратилось производство пива и вина, а это немаловажное историческое обстоятельство. С учётом загрязнённых источников питьевой воды в городах и деревнях, вино и пиво способствовало ограничению распространения инфекционных заболеваний. Через 800 лет после Юстиниановой чумы в Европе разразилась вторая пандемия, начавшаяся в Англии. В 1346-1348 годах «Чёрная смерть» уже свирепствовала в Европе, где её жертвами стали около 25 миллионов человек. Сельское население стремительно вымирало, что привело к кризису феодальной системы. Внезапно мало заселённое эстонское захолустье стало чрезвычайно привлекательным в смысле сельскохозяйственной производственной базы.

Считается, что к 1343 году датский король Вальдемар IV Аттердаг стал испытывать неудобства, связанные с недовольством вассалов в Эстляндии и начал подумывать о продаже края Тевтонскому ордену. Власть Вальдемара характеризовалась мягкими формами правления, что привело к преобладанию среди вассалов этнических немцев. Немцы захватывали земли и строили на них поместья. Эстонские историки до сих пор печалются, что немцы самовольно урезали гражданские права (?) эстов. Между тем у Дании нарисовались серьёзные проблемы со Швецией, что сильно отвлекало от проблем эстляндских. И судьба края была решена.

Возможно сделка по продаже Эстляндии состоялась бы ещё в 1343 году, но 23 апреля вспыхнуло крестьянское восстание, известное под названием Восстание Юрьевой ночи. Сделку завершили только три года спустя в 1346 году. Эстляндия вместе с двумя торговыми городами ганзейским Ревелем (с 1280 года) и Нарвой перешла в собственность Тевтонского ордена всего за 4 тонны серебра (19 тысяч марок). В следующем, 1347 году Тевтонский орден перепродал Эстляндию Ливонскому ордену за 20 тысяч марок.

Между тем климат в Европе к началу 70-х годов XIV столетия постепенно начал стабилизироваться, среднегодовая температура в Западной Европе стала медленно повышаться, постепенно прекратились неурожаи и массовый голод. Последняя крупная вспышка чумы в Ганзейском союзе пришлось в 1350 году на Висбю. Однако суровые зимы продолжились и в начале XV столетия.

Благодаря холодам и чуме в Европе влияние Ревеля в Ганзейском союзе значительно укрепилось. Город стал опорным пунктом для торговли с Псковом и Новгородом.

Именно к этим временам восходит позднее представление о Ревеле, как о городе, который ни разу не сдался неприятелю и не был взят штурмом, т.е. сохранил девственность. История с датским королём Вальдемаром II не в счёт.

Ревель не по фэн-шуй

В основе китайской практики фэн-шуй лежит представление о ци. Дословно из Wikipedia: ци выражает идею фундаментальной, континуальной, динамической, пространственно-временной, духовно-материальной и витально-энергетической субстанции, которая лежит в основе устройства Вселенной, где всё существует благодаря её видоизменениям и движению. Звучит сухо, наукообразно и неинтересно. К представлению о динамической и витально-энергетической субстанции ци ближе всего воззрения иеговистов на Дух Божий как на действующую силу, которой управляет Бог для осуществления своей воли.

В целом представление китайцев о ци ближе всего к христианскому представлению о третьей ипостаси Бога — Святом Духе, пронизывающем, животворящем и освящающем всё сущее. Однако, в эту область теологии мы вторгаться не будем.

Сам термин фэн-шуй состоит из двух китайских слов: «ветер и вода» — дуновение и влага. В целом фэн-шуй — это древнее китайское искусство, направленное на гармонизацию пространства и сфер жизнедеятельности человека. Не религия, а именно искусство, основанное на тысячелетних наблюдениях за местом человека в природе и его воздействием на окружающую среду. Понятно, что среда сопротивляется переменам и стремится вернуть изначальную гармонию. Цель фэн-шуй достигнуть гармонии человека в окружающей его среде (гармонии человека и среды.)

*Авиалайнеры взлетают и садятся над камнем Линды.
Само озеро — это слёзы, выплаканные вдовицей.*

В основе учения фэн-шуй лежит даосская концепция мироздания, основанная на двух противоположных и одновременно взаимодополняющих элементах — инь и ян, которые вместе образуют дао — изначальную реальность, которая существует вне пространства и времени, как в окружающем мире, так и в самом человеке. Эдакий реалистичский мистицизм, основанный на опыте.

Представление о фэн-шуй поздно докатилось до Европы. Если бы на медицинском факультете Юрьевского университета XIX столетия преподавали фэн-шуй, мы бы сегодня имели совершенно иной вариант эпоса «Калевипоэг», а так мы имеем то, что имеем — мрачное и национально-беспросветное.

В центре эпоса трагедия Линды и её сына — семья великанов, заполнившая всю Европу безмянными детьми, внезапно осиротела. Вдовица строит на берегу моря огромный погребальный холм над могилой мужа, таская валуны из места, которое ныне называется Ülemiste — нем. Obersee — русское озеро Верхнее. Один из таких гранитных валунов Линды до сих лежит напротив аэропорта Таллинн.

Тёплая — южная сторона холма Колывань спускается к старинному кладбищу Святой Варвары. Если мы принимаем на веру существование могильника под холмом, то с него в город стекают два вида ци: *ша ци* — агрессивная, беспорядочная, негативная энергия и *си ци* — пассивная, угнетённая и слабая энергия, соединяющиеся с могильной ци кладбища Святой Варвары. Вместе обе ци представляют собой опасный коктейль, провоцирующий беспорядок и агрессию и вместе с тем безволие и упадочность.

Источником положительной и благоприятной энергии — *шень ци* является акватория порта. Но эта довольно слабая в нашем случае ци ударяется о холм и обтекает его со стороны Нижнего города. Средневековой стены, концентрировавшей *шень ци* внутри города, больше не существует, поэтому энергия рассеивается по трём основным направлениям — Нарвской, Юрьевской и Пярнусской дорогам. Именно этой энергии не хватает Нижнему городу и его спутникам Мустамяэ, Ыйсмьяэ и Ласнамяэ. Больше всего шень ци достаётся сегодня приморскому району Коппель, способствуя его стремительному развитию.

Новый город — Таллинн — по линии масонской застройки сегодня ошестинился вершинами местных небоскрёбов, что ещё больше способствует рассеиванию *шень ци*. По сути, небоскрёб — это труба, вытягивающая *шень ци* в небо. В отсутствие сплошной городской стены оставшиеся башни выполняют роль труб. Главная городская труба — башня длинный Герман, вытягивающая в небо остатки *шень ци* из акватории порта. Не способствуют концентрации ци и плоские крыши современных домов.

Из труб погребального холма в центре складывается нечто, напоминающее европейские мегалитические могильники — хэнджи. Наиболее известный эстонский *henge* некогда находился в основании городища Иру. Огромный мегалит и окружавшие его камни ныне утрачены. Но всё вместе существовало несколько тысяч лет, вплоть до середины XIX столетия, пока мегалит не лопнул от большого костра, разведённого местным населением в Иванову ночь. В семидесятых годах прошлого века птицефабрика притащила сюда огромный валун, верхушке которого придали женские черты, и некое подобие пятой точки. Этот современный мегалит называется Igu Memm.

Разумеется, соединение эстонского мифа с китайским учением о ци — это та самая истина, которая всегда *где-то рядом*, но в качестве рабочей гипотезы вполне годится. Например, гипотеза объясняет почему парламентарии и члены правительства в пандемию 2020 года, урезав зарплату согражданам, собственную зарплату наоборот повысили.

102. E. Okas. Iru ämm. Vahetiitel, Autolito. 1959.

Э. Окас. Окаменевшая Линда. Внутренний
титул. Автолитография. 1959.

Разумеется, Эвальд Окас не мог видеть мегалит поскольку тот был утрачен не менее ста лет назад, но интуитивно окружил свою фантазию валунами меньшего размера, изобразив таким образом хэндж, т.е. классический могильник круглой формы.

Winterhilfswerk des Deutschen Volkes.

Чудо малой пластики

Два тоталитарных режима сформировали в эстонском национальном сознании преувеличенное отношение к собственной истории — *всё, что было не со мной помню*, что и хорошо и плохо одновременно.

При режиме президента Пятса акцент пришёлся на патриотическую символику. Каждая общественная организация почитала своим долгом заказать знаки отличия, часто с использованием патриотической символики. При советской власти изготовлением значков — знаков (badges) в Таллинне занимались Ювелирный завод, художественный комбинат ARS и экспериментальный завод спортивной техники Vihur. В это время акцент был сделан на символику историческую.

Следует, пожалуй, определиться в терминах: значок — здесь и далее предмет из любого пластичного материала с элементами малой (мелкой) пластики, т.е. рельефными или плоскими изображениями, надписями, который можно прикрепить к одежде или головному убору, означающий принадлежность к какой-либо организации, общественной группе, свидетельствующий об окончании учебного заведения, отмечающий историческое событие, какое-либо значимое здание, сооружение, символ или даже идею.

Россия и СССР в первой половине прошлого века испытали бум в производстве знаков с взаимно противоположной патриотической тематикой. В это же время Германия дважды обращалась к малой пластике. В начале 20-х годов — это были трагические медали в память позорного поражения и гиперинфляции, а в 1933 году стартовала кампания **Winterhilfswerk des Deutschen Volkes**. Кампания зимней помощи быстро набрала обороты. Местные самоуправления соревновались сначала в сборах пожертвований для обездоленных, потом для армии. Фишка была в том, что даже за самое малое пожертвование полагалась безделушка. Прежде всего, это была пропагандистская печатная продукция — календари, открытки, игрушки и ёлочные украшения, искусственные цветы из бумаги, наконец, значки.

Фантазия немецких мастеров, ремесленников и художников внезапно нашла широкое применение. Рейх испытывал трудности с металлами, особенно цветными, поэтому в ходу были изделия из цинка. А ещё дерево, бакелит, пластик, прессованный картон, стекло, керамика, фарфор, даже гобелен в комбинации с картоном и цинковой рамкой. История Зигфрида в бакелите, военные символы за четыре столетия в прессованном картоне, история костюма в цинке, пластике, стекле и фарфоре, цветы, бабочки, птички, солдаты и рабочие профессии в фарфоре, дорожные знаки в цинке, деятели германской культуры и цивилизации в стекле и цинке, знаки Зодиака и сказочные персонажи в керамике, сказки Венского леса в цинке и, наконец, много чего ещё, включая набор озёрных насекомых в стекле. Собирать можно всю жизнь. Причём большинство предметов не отягощено никакой идеологией.

Однако вернёмся в родные края. При советской власти каждый эстонский район (уезд), город или даже местечко старались обзавестись значком с изображением местных достопримечательностей, символики и даже мифов. И это была вполне реальная фронда по отношению к советской власти. Большой удачей считалось обмануть реальную московскую цензуру. Такие вещицы в цветах триколора или с элементами запретной символики вроде васильков и ласточек у коллекционеров ценились дорого, а особенно, когда *post factum* цензура обнаруживала собственный промах.

Так, например, в юбилейные значки, посвящённые XXX-летию победы над Германией вставили сначала меч, потом руку (кисть и запястье) с фрагментом меча (худ. J. Atrak, Тал.юв.завод, томпак, серебрение, эмаль, т.6000). Рука (локоть и предплечье) в латах и с мечом символизирует Освободительную войну 1918-1920 годов и сегодня этот символ красуется на Кресте свободы в центре Таллинна, а в годы Второй мировой войны украшал петлички эстонских частей *Waffen SS*.

Таллинн и немного Нарвы в левом верхнем углу.

Советская цензура крупно облажалась, но скандал по понятным причинам затевать не стали.

Автор каталога эстонских значков советского времени гравёр Виктор Куйк в предисловии написал:

«Производство значков, как и любой другой вид искусства, в советское время находилось под жёстким идеологическим контролем. Изготовление ряда значков запрещалось уже в зачатке, после осмотра значков-образцов, или в начальной стадии производства. И ответственные руководители производства наказывались по партийной линии или отстранялись от должности. (Например,) изготовление таллиннского герба с тремя львами (автор Хейнц Валк) стало возможно только благодаря тому, что Москве этот символ обосновали как герб одной из губерний России (Эстляндии), а не Таллинна».

И в этом случае цензура тоже облажалась, поскольку есть разница между леопардами — на датском и российском гербах, которые смотрят вперёд по ходу движения, и леопардовыми львами на гербе Эстонской Республики, морды которых обращены к зрителю. Тираж обманки 800 экземпляров, и такого у меня пока нет.

А ещё Куйк пишет о том, что в годы советской оккупации люди могли передвигаться только на ограниченной территории, *«которая, правда, была чрезвычайно обширной»*. В это время Эстония знакомила туристов со своей историей, памятными местами и культурой именно с помощью значков:

«Интерес к сувенирным значкам связан в широком плане с туризмом, однако наш значковый бум завершился с восстановлением Эстонии. (...) Золотой период коллекционеров и изготовителей значков продолжался с конца 1950-х до середины 1990-х годов, когда в киоски и ювелирные магазины еженедельно в продажу поступали всё новые и новые значки своеобразные и относительно дешёвые. Да, были времена! (...) Интерес к значкам пропал в промежуточный период и у автора, поскольку ранее собранные данные невозможно было оформить в виде книги по ряду причин. (...) И задним числом эти данные найти невозможно, потому что фирмы давно прекратили свою деятельность, а большинство тогдашних гравёров, эмалировщиков и компетентных лиц уже ушли в иной мир».

И это правда. Пришли другие технологии, что-то стало дешёво и доступно, несмотря на штучное производство, но зато массовое производство подорожало вместе со сбытом. Одно я знаю точно, бум на эстонскую историческую и культурную малую пластику на наших глазах не повторится. Цените и собирайте то, что уже есть.

Я же попытаюсь пробудить у вас интерес к собирательству и к истории того города, который известен нам как Таллинн. **В руках у вас не каталог, а просто подбор относительно случайных артефактов.**

Эстонская история

Эстонское государство основано на концепции тысячелетней освободительной борьбы эстонского народа. В краткой преамбуле к Конституции Эстонкой Республики записано:

«Народ Эстонии, выражая непоколебимую веру и твёрдую волю укреплять и развивать государство, которое создано по непреходящему праву государственного самоопределения народа Эстонии и провозглашено 24 февраля 1918 года, которое зиждется на свободе, справедливости и праве, которое является оплотом внутреннего и внешнего мира, а также залогом общественного прогресса и всеобщего блага для нынешних и грядущих поколений, которое призвано обеспечить сохранность эстонской нации, языка и культуры на века».

Казалось бы, ничего особенного, но в текст вписана мифологема: государство является оплотом внутреннего и внешнего мира — эст. *mis on kaitseks sisemisele ja välisele rahule*. Возникает некая двусмысленность: в русском переводе мир воспринимается как мироздание, в эстонском оригинале — мир как состояние без войны. Однако в обоих случаях речь идёт о внутреннем пространстве государства и внешнем его окружении. Двусмысленность в том, что в русском переводе мифологема признаёт наличие мироздания за пределами эстонского государства, в оригинале речь идёт об эстонском государстве — оплоте мира как состояния без войны внутри и за пределами государства.

Применительно к теме малой эстонской пластики война в форме освободительного движения присутствует, и даже в избытке.

В эстонском варианте истории Пакт Молотова-Риббентропа не является исключительным явлением. Нечто подобное произошло в период с 1208 по 1212 годы. В 1208 году Орден меченосцев напал на Уганди и разграбил Отепя. Затем четыре года подряд Орден в союзе с рижским епископом Альбертом Буксгевденем устраивал походы в южную и центральную Ливонию. И в этот же период сюда вторгались новгородские и псковские князья.

В первую очередь нас интересует 2010 год, в котором состоялась битва, точнее побоище при реке Юмера (Имере). Хронист Генрих Латвийский, описывая двенадцатый год правления епископа Альберта, так упоминает битву при реке Юмера (Имере). Эсты осадили Венден (эст. Вынну, латв. Цесис), и это вновь как *déjà vu*:

«Итти в Руссию поручено было Родольфу из Иерихо с некоторыми другими. Подойдя к Вендену, они видят: явились эсты с боль-

шим войском и осаждают Венден. Родольф и его люди бежали в этот замок. Эсты бились с Бертольдом, его братьями и вендами три дня у старого замка, где ещё жили братья и венды. И пало там много эстов, раненых баллистариями, равным образом и из вендов некоторые убиты были вражескими копьями. Эсты собрали большие костры из брёвен и подложили огонь, чтобы сжечь замок». («Хроника Ливонии» Генриха Латвийского.)

Вскоре эсты, услышав, что к Вендену подошли большие силы ливов и лэттов, а также старейшина Каупо с тевтонами. Эсты отступили. Вскоре разведка донесла, что эсты стремительно бегут через реку Имеру. Ливы и лэтты начали преследовать эстов. Каупо и тевтоны двинулись позади ливов и лэттов, чтобы наблюдать исход боя и быть готовым либо к погоне, либо к бегству. У Имеры погоня обнаружила, что на них готово напасть войско эстов:

«Арнольд, брат-рыцарь, подняв знамя, сказал: "Плотнее, братья тевтоны! Посмотрим, нельзя ли сразиться с ними. Мы не должны бежать, чтобы не покрыть позором свой народ". И ударили на тех и убили многих у них и сражались с ними, и пал Бертольд, сын Каупо, а также Ванэ, зять его, смелый и доблестный воин, а некоторые братья-рыцари и слуги епископа, Вихманн и Альдер, были тяжело ранены. Ливы же, шедшие сзади, увидев массу войска, выступающую из лесу со всех сторон, тотчас обратились в бегство, и тевтоны остались одни. Тут тевтоны, видя свою малочисленность, так как было их всего около двадцати человек, сжались теснее и, сражаясь с врагами... Эсты же преследовали бежавших направо и налево пеших тевтонов, ливов и лэттов, захватили около ста из них, одних убили, других отвели к Имере и замучили в жестоких пытках. В числе последних было четырнадцать человек, из которых одни были зажарены живыми, других обнажили, сняв одежду, сделали им мечом на спине знак креста и удавили, причислив этим, мы надеемся, к сообществу мучеников на небе». (Ibidem.)

Древние эсты и понятия не имели о том, что в будущем станут оплотом мира во всём мире, но Таллиннский художественный комбинат ARS в 1972 году отметил их запредельную жестокость работой художника Хейнца Валка из оксидированной меди, тиражом 17 540 экземпляров. На английском геральдическом щите изображены дата – 1210 год, воды реки Имере, меч и отрубленная голова рыцаря.

К 1215 году тевтоны получили подкрепление. Эсты искали и нашли помощь у русских князей. Образовался военный союз против немецких захватчиков. Спротивление возглавил легендарный старейшина Лембиту, но тут же на два года попал в плен к меченосцам.

Битва при Юмера, 1210. Битва при Паала или битва при Вильянди, 1217.

В 1217 году во всех уездах Эстонии прозвучал призыв к объединению против Ордена меченосцев. Эсты вместе с русскими вытеснили рыцарей из Уганди и Сакала. Лембиту, освобождённый из плена, собрал в Сакала дружину из воинов всех уездов Эстонии, чтобы вместе с русскими окончательно изгнать тевтонов. Однако 21 сентября 1217 года незадолго до подхода русских тевтоны напали на эстонскую дружину. В 11 километрах от Вильянди на реке Паала состоялось решающее сражение, закончившееся поражением эстов. Лембиту погиб в бою.

На значке мы видим старейшину Лембиту (а кого же ещё?), энергично пронзающего мечом рыцаря Ордена меченосцев. Очевидно, что в следующее мгновение смертельно раненый рыцарь поразит мечом голову старейшины. Весьма напряжённая и жестокая сцена. Увы, но автор шедевра мне не известен. Меч с реки Паала сделан на комбинате ARS по рисунку J.Arrak в 1968 году из оксидированной меди, тиражом 19 тысяч экземпляров.

Следующий всплеск жестокости мы наблюдаем в связи с военными действиями в 1223-1224 годах. В 1974 году исполнилось 750 лет обороне Тарту объединёнными дружинами русского князя Вячко и старейшины Меэлиса. Осада тевтонов оказалась успешной:

Воин Тарбату (Тарту). Комбинат ARS по рисунку H.Valk, оксидированная медь, тираж 10 000 экземпляров.

«Когда уже много тевтонов вошло в замок, за ними двинулись лэтты и некоторые из ливов. И тотчас стали избивать народ, и мужчин и даже некоторых женщин, не щадя никого, так что число убитых доходило уже до тысячи. Русские, оборонявшиеся дольше всего, наконец были побеждены и побежали сверху внутрь укрепления; их вытащили оттуда и перебили, всего вместе с королём [князем Вячко]

около двухсот человек. Другие же из войска, окружив замок со всех сторон, не давали никому бежать. (...) Таким образом; из всех бывших в замке мужчин остался в живых только один... Когда все мужчины были перебиты, началось у христиан великое торжество: били в литавры, играли на свирелях и других музыкальных инструментах, потому что отомстили наконец злодеям и истребили всех вероломных, собравшихся туда из Ливонии и Эстонии».

Очевидно, что воин Тарбату изображён на значке в горячке боя, но, право слово, встретить такого в лесу или в тёмном переулке не приведи Господи! Наконец, это свидетельство горького поражения эстов, а не впечатляющей победы.

Следующий этап — Восстание Юрьевой ночи. В «Очерках истории эстонского народа», одним из трёх соавторов является уже знакомы нам художник Хейнц Валк, находим:

«Восстание началось в ночь на Юрьев день, 23 апреля 1348 года, одновременно по всему Харьюмаа и быстро распространилось на Ляэнемаа. Возможно, что некоторые волнения были отмечены и в Вирумаа. Все немцы, захваченные восставшими, были убиты, без различия пола и возраста. Повстанцы жгли усадьбы и церкви, захватили монастырь в Падизе и стянули огромное войско к Таллинну. Орденские хроники подчёркивают кровожадность эстов и их ненависть к церкви. Однако, если учесть, что эсты намеревались стать поданными христианской Швеции, такое тотальное уничтожение христианских святынь кажется не вполне достоверным».

Однако известно из разных источников, что восставшие выкапывали из могил покойников, похороненных по христианскому обряду и предавали их огню, монахов топили в море. Продажа Эстонии Ордену, первоначально намеченная датчанами на 1343 год, состоялась тремя годами позже. Вот свидетельство хрониста Бальтазара Руссова, в кото-

ром отчётливо просматриваются не религиозные или экономические причины восстания, а чисто националистические:

«В 1343 году, в ночь на Юрьев день, случилась большая резня в Гарриене, ибо гарриенские эстонцы захотели иметь собственных королей и начали дело таким образом. Стоял на возвышении дом, который в ночь на Юрьев день захотели зажечь, затем они хотели разом про-

извести нападение и умертвить всех немцев, с жёнами и детьми. Так и сделано было, и начали они убивать дев, жён, слуг, служанок, благородных и простых, молодых и старых; все, кто был немецкой крови, должен был умереть. В падисском монастыре они умертвили 28 монахов и сожгли монастырь. Они сожгли все дворянские усадьбы, бродили по стране взад и вперед и умерщвляли всех попадавшихся им немцев. (...) Кто спасся от мужчин из жён и детей, тех убивали эстонские бабы, жгли церкви и обители. (...)

Через несколько дней после того викиские эстонцы также умертвили всех немцев, коих могли найти, подобно тому, как это случилось в Гарриене; выступили в путь и осадили Гапсаль, умертвив в Вике 1800 человек, старых и малых. В этой беде спасался бегством, кто только мог. Таким образом, мужчины, женщины и дети, голые и босые, прибежали в Вейсенштейн и сообщили фохту о плачевной резне, случившейся в Гарриене».

Автор значка художник H.Valk изобразил повстанца, убивающего горожанина-немца: на нём гражданское платье и у него нет оружия. Повстанец ногой наступил своей жертве на грудь и держит её за волосы, рука с мечом занесена над головой — поза характерная для подготовки к декапитации, т.е. отделению головы от туловища. Рот горожанина раскрыт в предсмертном вопле ужаса.

В целом, жестокость запредельная, отчеканенная комбинатом ARS в оксидированной меди тиражом в 10 тысяч экземпляров. Единственное объяснение я нахожу в том, что советской цензуре в Москве надудли в уши немецкое происхождение захватчиков — что-то вроде борьбы против средневекового плана «Ost». К тому же едва ли не главной причиной, по которой датская корона решила избавиться от Эстляндии, было именно засилье немцев, самовольно захватывавших земли под прикрытием Тевтонского Ордена.

А вот ещё один значок, на этот раз иллюстрирующий жестокий и трагический финал истории четырёх эстонских королей:

«Узнав о восстании, "великий магистр ордена Бурхард фон Дрейлебен, воевавший с русскими под Псковом, с поразительной быстротой перебросил свои войска в Северную Эстонию. Старейшины эстов — четыре т. н. короля с тремя кнехтами — были приглашены в замок Пайде на переговоры. Однако крепостносцы, вероломно поправ непри-

косновенность послов, убили их». («Очерки истории эстонского народа» Кооператив писателей Эстонии «Купар», Таллинн, 1992.)

У хрониста Бальтазара Руссова история четырёх эстонских королей описана более подробно и красочно:

«Тогда магистр спросил четырёх королей, зачем они столь бедственно умертвили и избili немцев от старого до малого. На это один из них отвечал, что их так долго мучили и истязали, что они не могли дальние вытерпеть или ждать. Магистр опять спросил, зачем они убили бедных монахов в Падисе. Те отвечали, что за ними было вины довольно, и если бы ещё оказался в живых немец, хоть бы в локоть длиною, то и тот должен умереть; но если он (магистр) хочет принять их в подданство (так как они подвластны королю датскому), то они будут ему повиноваться, а, впрочем, не хотят иметь никаких бар или господ. Магистр отвечал, что ему не подобает оставлять без наказания убийц, совершивших подобную резню, какой не слышано от сотворения Мира... Они [короли] говорили также тайно, что убьют всех этих господ и тогда охотно умрут с великою славою.

Выслушав их, магистр отправился оттуда и приказал Иервенскому фохту хорошенько обходиться с этими гостями. Это случилось на вышке в Вейсенштейне. Тогда один из эстонцев вознамерился убить фохта; это заметил его отрок (оруженосец) и заслонил собою своего господина, быв притом ранен в грудь и дважды в руку. Тогда приспела привратная стража этого сановника и изрубила в куски всех этих эстонцев и королей, и служивых».

Автор значка Reetmine (предательство) H.Valk, комбинат ARS, тираж 5 тысяч экземпляров, оксидированная медь. Однако обратим внимание на то, что в руках «безоружных королей» меч, топор и копьё.

«В июле 1343 года вспыхнуло восстание на Сааремаа. И здесь повстанцы убили всех немцев, а священников утопили в море. После восьмидневной осады пала крепость Пёйде. Защитникам её было обещано, что их беспрепятственно выпустят из города, но восставшие не сдержали слова и перебили всех камнями».

«Очерки истории эстонского народа» сообщают об этом примечательном событии необыкновенно лаконично, однако Хейнц Валк всё же даёт нам пищу для размышлений. Мы видим разъярённого повстанца с длинным кавалерийским мечом в руке. Меч предназначен для использования в седле и совершенно не предназначен для ближнего пешего боя, в нашем случае — на расстоянии вытянутой руки. Рыцарь безоружен и поза у него растерянного, не ожидавшего нападения человека.

Хронист Руссов рисует нам несколько иную картину:

«В навечерие св. Иакова того же 1343 года, эзельцы умертвили всех немцев, старого и малого, подобно тому, как это случилось в Гарриене, утопили священников в море и двинулись в тот же день к замку Пойде, перед которым стояли восемь дней, очень хорошо зная, что замку неоткуда получить помощи. Не в состоянии будучи удержать замок, фохт собрал людей на совет, чтобы просить мира и сдать замок. Это всем им понравилось, а потому они послали к крестьянам и велели им сказать, что полюбовно хотят сдаться. Крестьяне этому обрадовались, согласились свободно выпустить их, с тем, однако, чтобы они ничего не брали с собою; каждому же господину разрешилось взять двух лошадей и сколько войдёт во вьюк, дворяне же могли взять по одной лошади и по мечу. Когда, таким образом, ворота были отпёрты, то они с горестью удалились, крестьяне же не сдержали обещания и побили всех камнями. Так погиб фохт с пятью братьями ордена со множеством другого народа». (Ibidem.)

Надеюсь, краткий экскурс в историю Освободительной борьбы мне простится. Эти значки не были предназначены для ношения на лацкане пиджака, потому что это было предупреждение для нас и одновременно план будущих действий под лозунгом «Plats puhtaks!» Слава Богу, с нами обошлись гуманнее, чем с фохтом и его людьми на Эзеле.

Михаэль Зиттов. Портрет мужчины с книгой.

Бальтазар Руссов и Микаэль Зиттов

Эти две ключевые фигуры из средневековой истории Ревеля сравнимы по значимости с фронтменами современной музыкальной индустрии, с той только разницей, что один из них художник, а другой хронист. Они визитка средневекового Ревеля и современного Таллинна.

Михель Зиттов (Michel Sittow, ≈1459, Ревель — 21.XII. ≈1525, Ревель) — художник, один из крупнейших портретистов своего времени. Зиттов родился в семье фламандского резчика по дереву ван дер Зюдова и дочери состоятельного шведского купца из Финляндии. Мастерству художника учился в Брюгге в мастерской Мемлинга. Некоторое время служил при суровом дворе королевы Изабеллы Кастильской, по прозвищу «Католичка». Потом состоял на службе у её зятя герцога Филиппа Красивого. После смерти герцога в 1506 году Зиттов вернулся в Ревель, где жил на улице, которая в XIX веке была продолжением Широкой, после пересечения Морской, ныне это улица Ратаскаэву.

В 1514 году Зиттов по приглашению короля Кристиана II посетил Копенгаген. Оригинал королевского портрета не сохранился, но можно видеть копию. Затем на протяжении двух лет Зиттов работал при дворах Маргариты Австрийской и Карла Габсбурга. Художник умер в Ревеле во время чумы.

Наиболее высоко ценятся портреты работы Зиттова. Атрибуция других картин мастера представляет сложность, поскольку свои работы он не подписывал и не датировал. Возможно по этой причине на протяжении нескольких столетий Зиттов был забыт. Его имя было возвращено в историю искусства только в начале XX века.

Значок (оксидированная медь) выпущен комбинатом ARS тиражом в 10 тысяч экземпляров Художник Хейнц Валк. Зиттов изображён за работой над женским портретом. Обращает на себя внимание дата рождения — 1469 год, что не целый десяток лет расходится с датой, условно считающейся реальной.

Бальтазар Руссов (*Balthasar Russow*, ≈ 1536–600) — автор «Хроники провинции Ливонии» на нижнесаксонском языке. Руссов родился и умер в Ревеле, учился в Штеттине, был пастором в ревельской церкви Святого духа. Происхождение хрониста окутано тайной. Его отцом считали немецкого ювелира. В середине прошлого века в отцы Руссову был предложен извозчик-эстонец, крестьянского происхождения. Однако эстонцам было разрешено жениться на немецких вдовах и селиться в Ревеле только после Ливонской войны и чумного поветрия, выкосившего население города. Всё это случилось через три десятка лет после рождения Руссова.

Спустя сотню лет швед Ганс-Мориц Айрманн в заметках о Ливонии и Лифляндии записал:

«Жители города несколько грубее и не столь любезны, как в Риге и по отношению к иноземцам не так почтительны и вообще самолюбиво-гордые люди. Это получилось по причине того, что после большой чумы, которая напоследок почти всех поголовно уничтожила и [в городе] мало осталось народу, там из разных мест обосновались новые жители, притом зачастую скверные лавочники, затем они женились, счастье им со временем фаворизировало, и они так дошли до принятия в гражданство. Таковые считают, что родились от плодоносного дерева и полагают, что они — большие господа».

Во время Ливонской войны Руссов уже приступил к составлению хроники (Росток, 1578). Считается, что та часть хроники, которая описывает события до Ливонской войны, значения не имеет, поскольку составлена на основании документов. Зато Ливонская война описана хронистом со всеми возможными деталями, доступными современнику и очевидцу:

«Писал я не ради собственной выгоды, и не по любви или злобе к кому-нибудь, писал на пользу потомкам, писал не с радостью, а с великой печалью, вздохами и слезами».

(ARS. Худ. Н.Valk. Тираж 10 600 экз. оксидированная медь.)

Мифологические существа и герои

Как у всякого уважающего себя города, у Таллинна тоже есть свои монстры.

Верно вы слышали байку про старика из озера Юлемисте, который раз в году ненастной осенней ночью приходит к городским воротам Таллинна и осведомляется у стражи, закончен ли город строительством?

Страже велено отвечать, что город ещё строится и вредный злой старик удаляется восвояси. Если стража признается, что город уже построен, то водяной обрушит на него воды озера Юлемисте (Obersee, Бумажного). Прописавшаяся в озере нечисть только и ждёт, чтобы утопить чужой для неё — датско-немецко-шведско-российский город со всем его населением, когда он будет достроен.

Ergo: у водяного есть национальность, он — эстонец. Полагаю, что ни один городской гид, рассказывая вам эту байку, не просветит вас на этот счёт.

История романтическая (глупая, однако) и, верно, не заслуживала бы нашего внимания, если бы не одно «но» — местное отношение к Таллинну, как к чужому городу не изжито до сих пор. Город и по сей день принадлежит шведам, финнам, датчанам, немцам и прочим иностранцам, и в гораздо меньшей степени эстонцам.

Упоминание озера Юлемисте вместо Obersee и отсутствие упоминания конкретных городских ворот с головой выдаёт фольклорное происхождение злобного водяного, причём в чисто советской литературной обработке. Ну, разве что не был поставлен акцент на национальности озёрной нечисти.

Значок был изготовлен на экспериментальном заводе спортивной техники «Viipur» в 1975 году по эскизу художника Юрия Дубова тиражом 8 тысяч экземпляров из оксидированной меди. Монстр получился забавный. Мне, например, нравится прямой пробор мокрой шевелюры и стрелковый прищур водяного

Вторая байка на тему, кто в городе хозяин. Думаете, что это Старый Тоомас на шпиле городской ратуши? Ошибаетесь. Настоящего хозяина на значках нет. Это каменщик на фасаде дома по Тартускому шоссе, некогда скрытого Художественной академией. Городская суета не беспокоит, он без усталости занят деланием мира, потому что он — масон.

Про Тоомаса же придумано, что он шустрый мальчонка из рыбацкого посёлка, прислуживавший городским господам. На состязаниях стрелков, которые мазали по чучелу попугая, парнишка первой же стрелой из самодельного лука поразил мишень, чем снискал всеобщее уважение. Город на свой счёт выучил мальчугана и сделал его стражником. В знак уважения память Тоомаса после его смерти почтили в 1531 году позолоченным флюгером на Ратуше. Сегодня на башне ратуши красуется новодел, а найденный при раскопках оригинал хранится в музее. Такая вот сладко-сопливая история.

Увы, но в описываемое время шансов попасть в городскую стражу у эстонца не было, и быть не могло. Магистрат, состоявший из немцев, никогда не стал бы возиться с каким-то там безродным эстом из рыбацкого посёлка. Ещё не началась и не закончилась Ливонская война — 1558-1583 годов. Ещё не случилась эпидемия чумы 1602-1603 годов и вызванные ею поправки для эстонцев.

В действительности флюгер — это аллегория немецкого наёмника, ловящего ветер удачи. Термин ландскнехт, обозначающий немецкого наёмника, впервые упомянут около 1470 года в трудах Питера ван Хагенбаха летописца герцога Бургундии Карла Смелого. Без сомнения, в начале XVI века термин уже дошёл до Ревеля. Так что славный старый Тоомас просто наёмник — немец из Нижней Германии, солдат удачи, в крайнем случае, колонист, но никогда не эстонец. Ландскнехт Тоомас вооружён двуручным немецким мечом — *Zweihänder*. Впрочем, это не мешает ему украшать многочисленные значки и таллиннские сувениры в качестве почётного эстонца.

Значок — это один из наиболее старых советских *томасов*, изготовленный в 1957 году на комбинате ARS, по эскизу Вайды Суйтс (Vaida Suits), тиражом 100 тысяч (!) экземпляров из посеребрённого томпака с эмалью.

Трудолюбивая семья папаши Калева:
таскает камни и доски, потом тихонько плачет на горке.
Обе Линды (томпак, серебрение) и Калев (латунь, холодная эмаль)
работы художника Юрия Дубова.

Разумеется, таллинские мастера не могли пройти мимо истории Калевипоэга и его матери Линды. История, придуманная Фридрихом Рейнгольдом Крейцвальдом с подачи врача и писателя Фридриха Роберта Фельмана, полна сюрпризов. Когда-то меня поразило, что умирающий великан Калев сообщает жене о том, что она беременна:

Знай, что этою зимою
Новый ты мне дашь отросток,
Новый ты родишь дубочек.
Линда, милая супруга,
Дорогой цветок из Ляане,
Детище яйца тетёрки!
Тяжело опять ты ходишь...
Ты ещё родишь мне сына,
Мужа силы богатырской.
Это будет сын последний,
Твой ягнёнок запоздалый.
Род наш славный завершит он...
Будет он отцу подобен
Бодрым разумом и силой.
Он деяньями своими
На века прославлен будет.

Впрочем, учитывая, сколько они вдвоём наплодили безымянных великанов для объединённой Европы, к деталям можно было бы не придирааться, если бы не обращающий на себя необычный способ размножения. Старая вдовица находит на коровьем выгоне рябую курочку и около неё яйцо тетёрки. Через три недели и девять дней курочка превращается в девицу Сальме, яйцо тетёрки в девицу Линду. И вот великан Калев сватается к тому, что вылупилось из яйца тетёрки:

— Не хочу ни пить, ни есть я,
Не хочу я веселиться.
Покажите мне невесту,
Здесь поставьте, серед пола,
Линду, дочь лесной тетёрки! —
Привели тогда невесту
И поставили средь пола
Пред гостями дочь тетёрки.
Но старуха не узнала
Дочери своей приёмной, —
Так её в покое тайном
Нарядили феи леса,⁴
Муру-эйт убрала дивно.
И у ней вдова спросила:
— Кто ты: месяц или солнце,
Или дочь зари румяной? —
Линда старой отвечала:
— Я не месяц и не солнце
И не дочь зари румяной.
Выросла я в вашем доме
Из яйца лесной тетёрки! —

Такая вот эстонская история с орнитологической подоплёкой. Из деликатности я умолчал о третьем чуде — вороне, которая подле курицы выросла в девушку-служанку, сиротку, росшую не в горнице с сестрицами, а в тёмном кошачьем углу с паутиной.

Простите мне этот экскурс в знаменитый эпос, но готов биться об заклад, что мало кто его прочёл в детстве, а тем более в зрелом возрасте, отринувши теорию пестиков и тычинок как ложную и антинаучную. А мне вот всё в кайф, потому что живу рядом с местом, на котором пала пегая корова Калевипозга. Рядом холм, на котором злой финский волшебник Тууслар пытался насильничать похищенную им вдовицу Линду, а верховный бог Таара превратил её в камень.

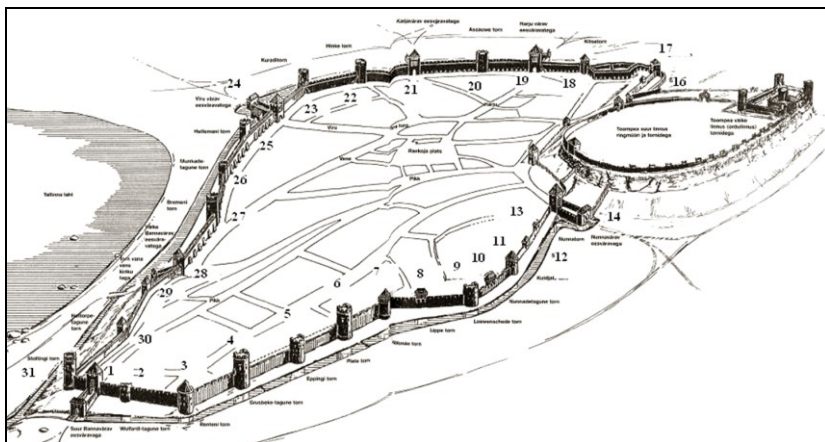
Kalev — ARS, Linda — завод Vihur, материал оксидированная медь.
Тираж «Линды» 6 тысяч экз., Калева — 10 тысяч.

На значках по рисункам Юрия Дубова Калевипоэг и Линда изображены в движении. Сын Калева изображён за работой. Без усталости, днём и ночью носит он через бурный Peirus (Чудское озеро) доски из Пскова.

Мать выглядит молодо и эротически привлекательно. Особенно художнику удалась высокая и упругая девичья грудь красавицы, ещё не познавшей тяготы материнства. Тонкий стан. Прекрасные волосы свободно вьются по ветру. На устах загадочная полуулыбка. Теперь мы знаем, что это полуулыбка тетёрки, воспитанной курицей. Мужем ей поручена важная миссия воспитания последнего сына — дубочка (?), зачатого, как мы понимаем, непорочно (яйцо снесла, что ли?):

А когда он возмужает —
Примет в руки власть над краем
В пору ту в народе нашем
Время светлое наступит,
Время радости и мира!..

Лучше, чем наш бедный разум,
Дело разрешит сам Таара.
Пусть останется избранник
Править, — а другие братья
Пусть пойдут искать удачи
По лугам земель далёких.

Городские стены Нижнего города и Castrum Danorum с башнями и воротами. Сохранились фрагментарно: 1 Большие Береговые (Морские) ворота, 2 Вулфардитагуне, 3 Рентени, 4 Грусбекетагуне, 5 Еппинга, 6 Плате, 7 Кейсмьяе, 8 Липпе, 9 Лёвеншеде, 10 Нуннатагуне, 11 Кульдьяла, 12 Сауна, 13 Нунна, 14 Монастырские ворота, 16 Талли, 17 Нейтси, 18 Китсе, 19 Харьюские ворота, 20 Ассауе, 21 Ворота Карья, 22 Хинке, 23 Чёртова, 24 Вирусские ворота, 25 Хеллемани, 26 Мункадегагуне, 27 Бременская, 28 Малые береговые (Морские) ворота, 29 башня у старой Никольской церкви, 30 Хатторпетагуне, 31 Столтинга. (Реконструкция R.Zobel 2011). Выделенное красным не сохранилось. Не указаны на схеме: башня Seegitaguene (Козий садик), башня в начале Pikk jalg и в конце Lühike jalg.

Башни, ворота и церкви

Городские стены *Revaler Stadtbefestigung*, башни и ворота дают наиболее адекватное представление об устройстве города. Ворота отражают хозяйственную деятельность средневекового города. И если сейчас можно легко выйти за пределы городской стены практически в любом месте, то в средневековье в Нижнем городе сделать это можно было лишь в строго отведённых местах.

Во-первых, через Большие морские ворота под защитой башни Толстая Маргарита по Морской улице (эст. Pikk). Во-вторых, через Малые морские ворота. В-третьих, через Глиняные ворота по одноимённой улице (нем. Lehmstrasse, эст. Viru). В-четвёртых, через ворота на Большой Михайловской улице (эст. Suur Karja). В-пятых, по улице Nagienstrasse и одноимённые ворота (эст. Nagju). В-шестых, через монастырские ворота, за которыми располагался женский Цистерцианский

Крайняя слева Kõismäe torn — Башня верёвочной горы; Nunnatagune — За монахинями, Neitsi torn — Девичья; Pikk jala torn — Длинная нога, Nunna torn — Монахиня; Sauna torn — Банная. Автор эскизов Хейнц Валк, комбинат ARS, оксидированная медь, тираж по 10 тыс., кроме Neitsi torn — 27 тыс.

монастырь по Süsternstrasse (Der Ringweg, Систериянской улице, Бульвару наследника цесаревича — Thronfolger Promenade, эст. Nunne). Сохранились только Большие Морские и частично Глиняные ворота, утратившие надвратную башню. В XIX-XX веках в стене появились новые проходы.

Попутно приношу читателю извинения за разнобой в названиях: увы, но *всё, что было не со мной* относится и к топонимике. Переназванное на эстонский лад становится условно своим. Чтобы не вводить читателя в блудняк, там, где это не только уместно, но и принципиально, я старался сохранять оригинальные названия. Однако вернёмся в город.

В панораме за городскими стенами видны высокие шпили средневековых церквей, и, прежде всего церковь Святого Олафа, (эст. Oleviste kirik (нем Olaikirche, рус. Олай). Церковь XIII века Олевисте построена на месте, где столетием раньше находился торговый двор скандинавских купцов, и названа по имени христианского короля Норвегии Олафа Харальдссона (995-1030), причисленного к лику святых. До XVI века — это было самое высокое в мире сооружение: башня со шпилем достигала 159 метров и была хорошим ориентиром для мореходства. В нынешнем виде высота шпиля составляет 123,7 метра. Управа постановила, что современные здания в центре Таллинна не могут быть выше церкви Святого Олая.

Шпильи Püha Vaimu kirik (церкви Святого Духа), Toom kirik (нем. Domkirche, рус. Домский собор), Oleviste (нем. Olaikirche, рус. Олай), Niguliste kirik (нем. Nikolaikirche, рус. церковь Святого Николая).
ARS по эскизам H.Valk, оксидированная медь.

Реформация Католической церкви началась в Ревеле 14 сентября 1524 года с церкви Олевисте, которая стала лютеранской. До 1944 года церковь принадлежала немецкой лютеранской общине. В 1950 году церковь передали баптистам, евангельским христианам, пятидесятникам и свободным христианам. Кстати, в XVIII веке в церкви проповедовал основоположник движения гернгутеров имперский граф Nikolaus Ludwig Graf von Zinzendor und Pottendorf.

Niguliste kirik (нем. Nikolaikirche, рус. церковь Святого Николая) — одна из главных средневековых церквей Ревеля. Храм XIII века доминирует в панораме западной части Нижнего города, был основан готландскими купцами вестфальского происхождения и был освящён в честь покровителя всех мореходов — святого Николая. Как было принято в крупных центрах торговли, например, в Великом Новгороде, церковь использовалась для хранения купеческих товаров.

В XVII веке башня и шпиль были переделаны в стиле барокко. Шпиль позднее не раз надстраивался, пока не достиг нынешней высоты в 105 метров. Здание Niguliste kirik лишилось шпиля во время советской бомбардировки в марте 1944 года. Во время реставрации 1973 года случился пожар и новый, крытый чистой медью шпиль рухнул, не выдержав жар огня. По завершении реставрации церковь стала использоваться как музей и концертный зал. Здесь же можно посмотреть знаменитую «Пляску смерти» Берндта Нотке.

Niguliste. Подготовка к установке нового шпиля.
 Шпиль, рухнувший после пожара.
 Фото Владимира Петрова,
 1973 год.

Toom kirik (нем. Domkirche рус. Домский собор) — наравне с Oleviste и Niguliste также относится к числу средневековых церквей XIII века, однако является частью архитектурного ансамбля Верхнего города.

Впервые храм на этом месте упоминается через десять лет после основания Вальдемаром II Castrum Danorum в связи, с так называемой «кровавой баней». В 1233 году инквизиция (лат. Militia Christi, рус. Воинство Христово) была передана папой Понтианом в ведение монашеского Ордена Доминиканцев — наступила эпоха сыска и кровавого террора. В своём рвении Militia Christi доходила до того, что выкапывала из могил трупы давно умерших людей, если они были признаны еретиками и предавала их сожжению. Сто лет спустя повстанцам Юрьевой ночи было с кого брать пример в безумствах жестокости. Ревностные католики перебили всех (!) датчан — гарнизон Castrum Danorum. Трупы аккуратно сложили в церкви возле алтаря. Историю эту если и рассказывают туристам, то без кровавых подробностей.

С 1240 года церковь была кафедральным римско-католическим собором всей Северной Эстонии. В 1319 году упоминается школа, открытая при соборе. В 1561 году с началом Реформации собором завладели лютеране. Кстати, примыкающий к собору Епископский садик — место с датскими привидениями, которое ночью посещать не рекомендуется. Говорят, что они и в соборе иногда воют в голос.

Свято-Духова церковь. 2008 год, 22 сентября — День сопротивления.
 Президент Тоомас-Хенрик Ильвес слушает духовно-патриотическое
 пение звезды советской эстрады Тыниса Мяги.

Церкви XIII века Oleviste и Niguliste, а также двуглавая Kaarli kirik XIX века лежат на одной линии, параллельной улице Pikk (Морской). Если на плане соединить Kaarli kirik и Oleviste с Toom kirik в Castrum Danogum, то получится почти идеальный равнобедренный треугольник. Несомненно, что шпиль Niguliste использовался в мореходстве и вместе со шпилем Oleviste составлял навигационный створ.

Наконец, Свято-Духова церковь — эст. Püha Vaimu kirik, церковь,

примыкающая к Ратушной площади Ревеля. Удивительным образом церковь XIV века сегодня является единственным сакральным сооружением в городе, которое сохранило свой первоначанный вид. Кстати, место с привидением, опекающим старинные часы на фасаде церкви. Новый Дом политпросвещения в Таллинне горожане сразу же прозвали *Püha Väino kirik*, намекая на тогдашнего Первого секретаря КПЭ Вяйно Вяльяса.

Разумеется, было бы неправильно обойти вниманием пространство за городской стеной — Башенную площадь (эст. Tornide valjak). На мой взгляд, это одно из самых привлекательных и романтических мест в старом городе.

Башенная площадь до установки памятников Сталину и Калининну.

Горожане

В 1226 году император Священной Римской империи Фридрих II даровал Любеку, основанному в 1143 году, права вольного имперского города. С этого начинается история торгового союза городов *Hansa Teutonica*. Любек и Ревель роднит ледниковое происхождение ландшафта. Официально Любек старше Ревеля всего на 11 лет. 5 мая 1248 года датский король Эрик IV даровал Ревелю (Нижнему городу) городское право Любека, подтвердив городские привилегии, дарованные ещё Вальдемаром II. В 1285 году Нижний город вошёл в *Hansa Teutonica*.

Главное условие присоединения к союзу: город должен управляться советом — *нем. Rat*, отсюда *Rathaus* — Ратуша и *Ratmann* — член совета. Ратманами могли стать только самые успешные торговцы и синдики (юристы), причём не допускалось совместное пребывание в действующем составе совета родственников. И вот что любопытно, это всё ещё средневековая Европа, которая учится и священнодействует на латыни, в которой *rat* — это крыса, а *Rathause* — крысиное гнездо.

Должно быть *Castrum Danorum*, управлявшееся епископом Лунда, с высоты холма взирало на *крысиное гнездо* с изумлением. Взирало, но ничего поделать с этим не могло. Нижний город в избытке владел водой, которой в крепости не было.

Но нет города, пусть даже вольного без горожан, хотя не все горожане равны между собой. Демократия *Hanasa Teutonica* распространилась на выходцев из Дании, Германии, Швеции, но никогда на (автохтонное население. В XIII веке отношение к крестьянам было сравнительно мягким: за неделю до и неделю после зимнего Юрьева дня (26 ноября с.с.) при отсутствии долгов разрешалось менять хозяина. В определённых обстоятельствах можно было скрыться в городе сначала один год и один месяц, потом два года, чтобы помещик потерял право выда-

чи беглого крестьянина. И это было не просто: надо было где-то жить и работать, при условии, что всех бомжеватых на ночь выпроваживали за городские ворота. Согласно действовавшего рижского права гражданином города можно было стать, уплатив 12 эре, позже полмарки. Но и этого было мало, чтобы пробиться в ученики мастера с перспективой лет через тридцать стать ратманом. Вопрос мало изучен, потому что подрывает основы *всё, что было не со мной, помню.*

На эстонских значках советского периода горожане представлены достаточно широко. На значке по эскизу Т.Тамман мы видим собирательный образ: беспечного гуляку в праздничном платье, шикарных сапогах, шляпе и при тросточке на фоне городских шпилей (ARS, оксидированная медь, тираж 21 тысяча экз.)

Горожане изображены при деле. Вот служанка с кофейником, напоминающая знаменитую «Шоколадницу» Жана-Этьена Лиотара. Сапожник с иглой. Хозяйка на рыбном рынке. Странные монахи за исполнением мадригала — небольшого музыкально-поэтического произведения любовного содержания. Горожанин с трубкой и калачом. Типично ревельский персонаж — трубочист. Целовальник, взвешивающий купеческий товар. Кухарка возле очага. Аптекарь со снадобьями. Любитель пива. Пекарь. Романтический мастер из-под колотушки которого вылетают звёзды. Дама с веером. Любопытный сосед, прописавшийся на крыше российского посольства. Каменщики, занятые своим делом. Наконец персонаж из конца XIX века — фотограф. Ревельские фотографии оставили нам невообразимое количество исторического материала.

Между тем горожане любят развлекаться, и делают это с большой выдумкой. В малой пластике причудливо перемешались временные пласты, средневековые с серединой XX века.

Вот странный персонаж в бороде и с очень странной причёской. Пальцы правой руки сложены то ли для клятвы, то ли для благословения, в левой руке держава. Автор эскиза уже хорошо знакомый нам Хейнц Валк. Значок называется Jooser — имя собственное, знакомое нам как Иосиф. И вновь Валк играет с советской цензурой. Как жаль, что этот весёлый и не бесталаный человек в постсоветской жизни оказался националистом. Фишка в игре слов: эстонское *joota* — пьянствовать, *jootapidu* — попойка. Окончание «имени» — *ser*, точнее *sepp* свидетельствует о мастерстве. Всё вместо означает нечто вроде мастера попойки — Бахуса. И вот теперь всё становится на места, включая сложенные для благословения пальцы: In Vina Veritas, пьедестал и гроздь винограда в его основании.

После Реформации монахи Ордена доминиканцев исчезли. Этот симпатичный монах лёгкий укор лютеранам.

Часть полноценной городской жизни — юридические коллизии. Право суда магистрат сохранил за собой до последней четверти XIX века. На значке мы видим утро 7 мая 1535 года за Харьюскими воротами. На земле обезглавленный труп барона Johann von Uexküll. Он нарушил городское право забив до смерти крестьянина, который укрывался в городе и по истечении года и одного дня стал свободным. Жестокое напоминание о правах ганзейских ратманов вершить суд над аристократами.

Три сестры — дома в средневековом городе. Увы, но устная традиция не донесла до нас внятного объяснения за исключением их внешней схожести. Гламурные развлечения в Екатеринентале и кулинарные развлечения в городских трактирах.

Деспот Пётр Великий. Нижнюю часть памятника Петру в начале 20-х годов прошлого века пустили на монеты. В народе заговорили о том ноги Петра вновь ходят по стране. Основатель частного Русского музея Александр Дормидонтов собрал то, что осталось от ног бронзового Петра — эстонские центы в количестве нескольких килограммов, и у него есть идея о том, что с ними делать.

В средневековье отлично вписываются питейные заведения Таллинна при советской власти. Kaŗa kelder — пивной ресторан Коровий подвал. До реконструкции — это была пивнушка с плохой репутацией, прозванная в народе «Подводная лодка». Интеллигентные люди долго оглядывались по сторонам, прежде чем нырнуть в подвал. Бывал в Kaŗa kelder и я, причём неоднократно. Масса воспоминаний молодости!

Плавучий кабак в Пирита — шхуну *Kihnu Õnn* помнят многие талиннцы, а особенно мои ровесники, Кабак работал до глубокой ночи и сюда ездили догоняться, если в городе не получилось. В дождливую погоду палуба протекала едва ли не над каждым столиком. Учитывая состояние клиентов, водку нещадно разбавляли, а вместо коньяка подавали в графинах старку.

Станным образом, но я ни разу не был в *Rebase urg* — лисьей норе (бар в подвале ресторана *Nord*). Место было суперпопулярное, но личных впечатлений нет.

А вот в *Karoline*, вероятно, побывали многие горожане. Это был узкий средневековый пенал с низким сводчатым потолком на месте, примыкающем теперь к японскому посольству. Вместо столиков — высокие колоды. Войти внутрь или пройти на выход можно было только по одному. Круглый год подавали горячее вино с маленькими шоколадками-медальками. В зимнее время пара стаканчиков глинтвейна отлично согревала, а в летнее была развлечением, особенно для туристов. Воспоминания наилучшие.

В городе вы обязательно столкнётесь со Святым Канутом — датским королём Кнудом IV (1043-1086). Садик Св. Канута на месте бывшего городского рва и примыкает к Центру Русской Культуры (бывшему Дому офицеров флота). Садик так себе, но у него есть достопримечательности — памятник Достоевскому и миленький фонтанчик. Ещё есть комплекс зданий гильдии Святого Канута на улице *Pikk*. На фасаде две статуи — католического святого короля-мученика Канута и реформатора католической церкви Мартина Лютера. Канут был убит в датском Оденсе в церкви во время молитвы прямо у алтаря.

По средневековым понятиям человек, убитый во время молитвы попадает напрямик в рай. Отсюда разница между Гамлетом, который может убить дядю во время молитвы, но предпочитает дождаться момента, когда он будет не готов к смерти, чтобы его душа попала в ад. Любящий и страдающий Отелло, прежде чем убить жену, спрашивает молилась ли она на ночь. Бывал я и в Оденсе, хотя, признаться Ганс-Христиан Андерсен интересовал меня тогда больше Канута...

История ратмана Готтшалка Шоттельмунда и его жены Кунигунды обросла легендами. По одной из них Кунигунда тяжело заболела, что мотивировало любящего мужа обратиться к Богу. Кунигунду похоронили в церкви Доминиканского монастыря в 1381 году. Её могильную плиту можно и сейчас видеть на стене монастыря в переулке *Katariina käik*. Те, кто *помнят всё, что не с ними было*, почему-то считают надгробие Кунигунды не имеющим исторической и художественной ценности.

Существенную роль в жизни средневекового города играло Братство черноголовых (н.-нем. *Bröder vun de Swarten*) — объединением неженатых купцов и судовладельцев. Покровитель братства Святой Маврикий — христианский мученик, который был командиром Фивейского легиона, целиком состоящего из христиан. Маврикий отказался принять участие в наказании христиан в Галлии. За невыполнение приказа легион был дважды подвергнут децимации. После третьего отказа все оставшиеся в живых были казнены.

Братство действовало в Эстляндии с 1399 по 1940 год. Кроме всего прочего в обязанности братства входила защита города. Братство содержало до сотни всадников и было военно-торговой корпорацией, связанной с Орденом доминиканцев — мужским монастырём Святой Катарины. Кстати в недрах монастырского двора сохранился весьма загадочный средневековый артефакт — колодец желаний. После Реформации контакт с церковью ослаб, и гражданские аспекты братства получили приоритет над военными.

У Ганса-Морица Айрманна находим:

«...Дом черноголовых ведёт своё происхождение от храбрых юношей из благородных и неблагородных [сословий], которые вначале, при построении города, мужественно и по-рыцарски выступали е поле против московитов и ещё диких в то время племён, имели и выдержали много стычек и кровавых битв, и, когда такие молодые люди после одержанной виктории направлялись для некоторого отдыха в уже несколько укреплённый город, то почти все оказывались холостыми; поэтому для того, чтобы остаться в привычном храбром и сердечном единении и не дать себя ослабить или сделать трусливыми из-за женщин, они клятвенно учредили в своём холостяцком состоянии братство с условием, что если кто хочет вместе с ними воевать и быть в их обществе, то должен оставаться холостым и перед этим должен был не иметь жены. (...) Кто добивается чести себя или своё имя записать или включить в старинную книгу черноголовых, ... тот должен иметь такие качества или свойства, а именно:

Первое — что он ещё состоит в холостом состоянии и никогда законным образом не венчался с женщиной, должен он подтвердить через свидетелей или посредством заверения, а в противном случае утрачивает свою честь и порядочность. (...)

*Второе — он должен быть того сословия, из которого можно состоять дворянином, или рыцарского достоинства, или правомочным достичь этого, либо самому быть причисленным к дворянству, или купечеству, или учёного звания (*Literatus, Studio-sus*), или же солдатом и из тому подобных вольных людей. Но подмастерья и все, которые живут в скудных условиях, совершенно исключаются уставом, не принимаются и никогда не признаются братьями.*

Если кто-либо намеревается быть записан в указанное братство Дома черноголовых и в их книгу, то ему прежде всего преподносятся законы, преимущества, статуты, права, обычаи и все к этому относящееся, при этом дружественно просят или напоминают, чтобы он, сделавшись членом, верно бы следовал им и, пока будет длиться его холостое состояние, оказывал бы им повиновение».

Вместо финала

Мне давно хотелось написать о малой эстонской пластике, потому что я не коллекционер. Для меня в этой песне важен каждый слог, если я знаю, куда его применить. Много лет я собирал книги, раз за разом прореживая библиотеку. При этом я не выбросил ничего, что пригодилось или могло бы пригодиться в будущем и даже написал книжку о книжках. Собирал почтовые карточки с видами города и сделал небольшой альбом. Такая же история и со значками. Главное, чтобы руки дошли.

Нельзя объять необъятное, но собрав что-то, заслуживающее внимания о родном городе, мне захотелось этим интересным поделиться. Подчеркну ещё раз: это не каталог и не путеводитель — это очень личные соображения, которые не всем могут понравиться. Но это моё. Не нравится, соберите и напишите сами!

Почему малая эстонская пластика, а не Winterhilfswerk des Deutschen Volkes, к примеру? Эстонские значки доступны, и это свидетельство советской власти и одновременно забавное свидетельство национального вольнодумства под советской цензурой.

Разумеется, артефактов много, хотя количество их ограничено. Стремиться к тому, чтобы собрать всё — это сверхидея на грани шизофрении. Соберите то, что вам интересно и пока ещё доступно по карману. Изучите это. Напишите об этом.

Например, я совершенно не затронул тему архитектуры, но кому-то это может показаться чрезвычайно интересным. Архитектурных сюжетов много и разбираться в прототипах будет интересно и весьма поучительно.

Отдельная тема для изучения — советская, которая включает в себя символы власти и военно-патриотическую тематику. Вот уж где мастера старались не за страх, а за совесть! Можно сейчас сколь угодно рассказывать про фигу в кармане, оккупационный гнёт и прочее, но ведь как старались и художники, и гравёры по металлу! Разбираться можно по каждому знаку и открытий чудных будет не перечесть. Сейчас подзабылось, как 9 мая ходили в народный поход из центра города в Пирита и получали за это значки и нашивки. Кто помоложе заканчивал поход под стенами монастыря с домашними бутербродами и пивом, а в хорошие года даже открывал купальный сезон в речке. Горожане постарше стояли на Певческом поле гороховым супом под шкалик водки.

Ещё одна тема, совершенно мной незатронутая — Олимпийская регата 1980 года. Странное дело, Олимпийская деревня есть, олимпийский порт есть, есть даже Олимпийский туалет под Поцелуевой горкой, а вот упоминания об Олимпийской регате в машине времени Биржевого прохода нет. Под ногами горожан есть много чего из прошлого и будущего Эстонии, а вот Олимпийской регаты в Таллинне 1980 года нет и следа. Великое дело собрать значки с олимпийской символикой и доступные меморabilia, систематизировать и описать их — это ли не благороднейшая задача для собирателя?

Ещё одна тема — Певческие праздники. Каждый был отмечен особенными значками.

Свидетельства эпохи: юбилеи ЭССР, годовщины освобождения, заводы и предприятия союзного значения, ветеранские значки войны и труда.

Так что моя главная задача вручить вам не каталог значков и не путеводитель по городу, а руководство к действию. Покажите эту книжку своим детям, помогите им включиться в благородную охоту за артефактами. Больше чем уверен, что найдены и опустошены далеко не все бабушкины коробки и дедушкины жестянки с сокровищами.

Наконец, есть ещё одно обстоятельство: значки по нашим временам копеечные и охоту за ними может позволить себе даже школьник с деньгами на карманные расходы. В детстве я сэкономил на завтраках, чтобы в субботу на собрании коллекционеров с трёхкой в кармане прицениться к понравившейся медальке, чего сейчас уже не могу себе позволить. А значки пока ещё доступны. Можно купить, а можно заинтересовать друга, чтобы потом обмениваться с ним «личными фондами».

На прощанье факт, о котором редко вспоминают: в Таллинском архиве сегодня хранится пять рукописных кодексов Любекского права, и это при том, что в самом Любеке нет ни одного экземпляра. В Ревель попало и Ревель это сохранил. И очень жаль, что в малой эстонской пластике Hansa Teutonica практически отсутствует. Есть отсылки к союзу вроде Большой гильдии, Ратуши или безголового барона Иксюля, но прямо связанных с союзом сюжетов нет.

О том, что средневековая традиция встречи бургомистра с главой правительства в проёме ворот Lühike jalg в современности не прижилась, острые языки обошли стороной. Зато, когда мэру Таллинна Эдгару Сависаару ампутировали ногу и по наущению Верхнего города отдали под суд, горожане грустно передавали из уст в уста новую шутку: *«У нас теперь настоящий мэр города: у него есть и длинная нога — Pikk jalg и короткая — Lühike jalg»*.

Очень жаль, что обе эти истории не обретут долгую жизнь в малой эстонской пластике и будут быстро преданы забвению.

А ведь какой сюжет для памятного значка:
одноногий мэр Таллинна в проёме
Lühike jalg...

Автор благодарит тех немногих,
благодаря которым книжка
состоялась.

